

Buchli V. *An Anthropology of Architecture*. L.: Berg Publishers, 2013. 224 p.

Антропология архитектуры: Между Сциллой культурофобии и Харибдой культурцентризма

Архитектура — это не здания. Здания — это здания, а архитектура — это архитектура.

А. Бецки, куратор, теоретик архитектуры

Словосочетание «материальная культура» режет слух многим сторонникам «поворота к материальному» в социологии. Второе слово представляется им очевидно лишним. Более того, культурцентричное прочтение материальности воспринимается как форма метафорической подмены: за «материальной культурой» угадывается «материальность как культура» — метафора, представляющая скрытую угрозу главному тезису объектцентричной социологии: симметрии вещей и людей [Латур 2007]. Отсюда специфическая культурофобия, присущая социологии материальности, боязнь подменить вещи символами и практиками [Вахштайн 2006].

Теоретическое недоверие культуре может проявляться по-разному, но чаще всего принимает вид критики самого понятия культуры: «Про такие объекты “может быть сказано все, что угодно, и все будет правдой”. Культура — это система смыслов? Да! Культура — это совокупность материальных объектов? Да! Культура — это рутинные

**Мария Владиславовна
Константинова**

Дальневосточный федеральный
университет,
Владивосток
constamare@gmail.com

нерефлексивные практики? Да! Культура — это символические классификации и коллективные представления? Снова да. Как объект социологического познания “культура” вообще утрачивает собственное содержание не потому, что “ускользает” от взгляда исследователя, а потому, что предстает перед ним “всем сразу”. Это эффект *оптического полиморфизма* — некоторые объекты концептуализации подобны пятнам Роршаха или картинкам-загадкам, которые так любили Витгенштейн и психологи-гештальтисты (с той разницей, что картинки-загадки допускают только два решения: утка или кролик, античная ваза или два профиля) [Вахштайн 2013а: 5]. Как не устают подчеркивать «культурофобы», не для того социология вещей с таким трудом дистиллировала чистую материальность из мира социальных отношений, чтобы утопить ее в еще более «аморфном» и «размытом» множестве Культуры [Вахштайн 2005].

Напротив, последовательный антрополог, кажется, вообще не может оторвать «культуру» и «материальность» друг от друга. Социологи вещей совершенно напрасно ожидают от антропологии метафорической подмены: если «X как Y», то «Y вместо X». Скорее наоборот. Идет ли речь об анализе классической триады пищи — одежды — жилища или о феномене «технокультуры», антропологическому нарративу куда более свойственна конфляция — слияние культуры и материальности в новое гибридное культурно-материальное единство [Material culture 2009]. Культурцентризм проявляется не в замещении феномена X «культурой X», а в том, что культура мыслится в качестве обязательного ингредиента любого феномена, имеющего отношение к человеческой деятельности. И в этом отношении культуурофобия социологии вещей отчасти оправданна; даже если соль культуры не «замещает» суп материальности, она вполне может сделать его несъедобным. Вопрос тогда должен ставиться так: может ли исследователь-антрополог «отмыслить» материальное от культурного с тем, чтобы вернуть вещам их автономию. Это именно то, что запрещает делать столь нелюбимый социологами вещей «культурцентризм» [Ло 2006].

Как же пройти между культуурофобией социологов вещей и культурцентризмом антропологов материальности? В этом помогает разобраться новая книга Виктора Бачли, профессора University College London, «Антропология архитектуры».

Бачли начинает с несколько тавтологичного заявления: «Эта книга нацелена на прояснение проблемы материальности архитектурной формы в ее множественных материальных регистрах» (Р. 1). Понятие материального регистра — это главный концепт Бачли, однако вводится он, по меньшей мере, неодно-

значно: «Ключевой вопрос: как тектонические формы могут быть поняты в различных регистрах, в виде образа, метафоры, исполнения, руины, диагностики или символа, и как специфические материальные условия этих регистров, их материальность, делают возможными человеческие отношения. Иными словами, как материальность архитектурной формы в ее множественных проявлениях создает людей и общество? Как — в социальном плане — работает материальность здания во всех его материальных регистрах? Как абстрактный концепт? Как обитаемое жилище? Как метафора?» (Р. 1–2). Странность этого определения бросается в глаза: «материальный регистр» определяется как *предикат* «материального объекта». Получается, метафора может быть «материальным регистром» материального здания? Бачли не проясняет этот момент. Забегая вперед, стоит отметить, что терминологическая ясность не самая сильная сторона книги.

Явный переизбыток слова «материальный» в своем повествовании Бачли обосновывает вполне по-латуриански: «До относительно недавнего времени вопрос материальности в антропологических исследованиях оставался непроблематичным. Как таковая материальность зданий и более широких архитектурных контекстов недооценивалась из-за фокуса на нематериальных абстрактных социальных процессах, в результате незамеченной оставалась роль материальности в оформлении этих процессов» (Р. 6). Однако отсылает этот пассаж не к текстам Б. Латура, а к недавним работам Тима Инголда [Ingold 2007] и Карен Барад [Barad 2007].

Вообще то, как в книге Бачли упоминается Латур, заслуживает отдельного исследования. Бруно Латур, создатель акторно-сетевой теории и идеолог социологии вещей, для Бачли — явная фигура умолчания: многие его формулировки приписаны другим авторам, фрагменты его манифестов повторены почти слово в слово без ссылки, сам он упоминается не как антрополог, а исключительно как философ «вещности» и «ассамбляжа» (Р. 14). Бачли намеренно дистанцируется от латуровской социологии, хотя и не от «поворота к материальному». Собственно, исследования архитектуры неслучайно сегодня оказываются в самом центре этого поворота. (Это, кстати, совсем недавно почувствовали отечественные социологи материальности [Алапуро, Бычкова, Хархордин 2012; Вахштайн 2013].) Даже терминологически корректно различить “built form”, “architectural form” и “architectonic form” невозможно без ответа на некоторые предельные вопросы теории материальности. Автор пытается решить данную проблему посредством уже упомянутого понятия «материального регистра», возводя историю этого понятия к работам Альфреда Гелла [Gell 1998], Клода Леви-Стро-

са и Пьера Бурдьё: «Регистр должен пониматься по-разному. Материальный регистр здания может быть понят как текст, как система знаков, как телесный опыт, визуально, тактильно, устно и т.д. <...> В работах этих авторов центральное место занимают ключевые для нас темы потоков и регистров, а также переклечения из одного регистра в другой» (Р. 7). Но уже несколькими страницами далее Бачли заявляет, что подлинный источник вдохновения для него — Л. Альтюссер: «Вопрос различных материальных регистров может быть возведен наиболее продуктивным образом к альтюссеровскому призыву дать материальным регистрам теоретическое осмысление» (Р. 15). То, что Бачли переименовывает в «материальные регистры», — это хорошо знакомые марксистам-структуралистам «модальности материального», введенные в оборот Л. Альтюссером (Р. 16). Уже из одного этого наблюдения понятно, что теоретическая последовательность тоже не самая сильная сторона книги.

Почему же тогда мы говорим о ценности этого исследования для «поворота к материальному»? Как настолько путанная в теоретическом отношении книга может помочь исследователям материальной культуры пройти между Сциллой культурофобии и Харибдой культурцентризма? Прежде всего, благодаря изложенному в ней эмпирическому материалу. Бачли — крупнейший в Англии специалист по ранней советской архитектуре [Buchli 1999]. Несколько его последних работ посвящены соотношению материальности и идеологии в архитектуре Астаны [Buchli 2007]. В книге «Антропология архитектуры» Бачли пытается подвести новую теоретическую базу под свои эмпирические исследования, не замечая, что в этих исследованиях *уже есть* все необходимые теоретические резервы. Именно поэтому понятие «материального регистра» и риторика «поворота к материальному» в первой части книги выглядят явно избыточно, потому что далее Бачли отвечает на совсем иной вопрос — *что значит для здания быть одновременно материальным и архитектурным объектом?*

В главе «Долгий XIX век» автор разбирается с влиянием представлений о единстве человеческой природы на анализ архитектурных форм. По его мнению, именно эта универсалистская перспектива задавала рамку всей последующей антропологии архитектуры. Альтернативный способ мышления о здании он находит в практике Новой Археологии: «Теперь мы смотрим на то, что архитектурные формы *делают*, а не на то, что они *репрезентируют*». Этой теме посвящена вторая глава. В третьей части Бачли обращается к идее Леви-Строса об «обществах жилищ» (*sociétés à maison*), предлагая иное ее прочтение — с акцентом на материальности жилища и его конкретном материальном устройстве. В двух следующих главах Бачли пытается

экстраполировать результаты своих более ранних изысканий на современные формы социальности (с акцентом на практики потребления); он детально прослеживает, как изменения повседневной жизни больших городов связаны с изменениями поддерживающего социальную жизнь материального каркаса. Далее автор обращается к философии телесности, чтобы проследить связь между телом и зданием, в частности архитектурные аналогии декартова психофизического дуализма. Наконец, последняя глава посвящена «смерти зданий», их символическому (разрушение Берлинской стены), функциональному (снос жилища) или не интенциональному (руинирование) распаду.

Эмпирический материал автор излагает ярко, убедительно, с множеством любопытных деталей (которые будут особенно интересны исследователям раннего советского быта). Теория архитектуры органично сплетается в книге с философией тела и антропологией жилища. Бачли в действительности не нужны декларации «поворота к материальному», ему не нужны «материальные регистры» и структуралистский марксизм Л. Альтюссера, не нужна современная объектно-ориентированная философия. Все необходимые автору различения и понятия *уже содержатся* в его анализе архитектурных форм. И они куда больше говорят об исследованиях материальности, чем громкие воззвания и манифесты социологов вещей, потому что соотношение материальности здания и архитектурной формы представляет собой действительную эмпирическую проблему для исследователя-антрополога. И для ее решения он использует теории из той сферы, в которой работает, а не тех книг, которые находятся на данный момент в тренде. Именно это — самое ценное в рецензируемой работе, которую, несомненно, найдут достойной прочтения и теоретики-культурофобы из лагеря социологии вещей, и исследователи-эмпиристы из стана антропологии материальности.

Библиография

- Алапура Р., Бычкова О., Хархордин О.* Инфраструктура свободы: общие вещи и Res Publica. СПб.: ЕУСПб, 2012.
- Вахштайн В.С.* Возвращение материального. «Пространства», «сети», «потoki» в акторно-сетевой теории // Социологическое обозрение. 2005. Т. 4. № 1. С. 94–115.
- Вахштайн В.С.* Джон Ло: социология между семиотикой и топологией // Социологическое обозрение. 2006. Т. 5. № 1. С. 24–29.
- Вахштайн В.С.* Предисловие главного редактора // Социология власти. 2013а. № 3. С. 5–7.
- Вахштайн В.С.* Социология архитектурного объекта между формальной и практической рациональностью // Новое литературное обозрение. 2013б. № 3 (121). С. 93–110.

- Латур Б.* Об интеробъективности / Пер. с англ. А. Смирнова, под ред. В. Вахштайна // Социологическое обозрение. 2007. Т. 6. № 2. С. 79–98.
- Ло Дж.* Объекты и пространства / Пер. с англ. В. Вахштайна // Социологическое обозрение. 2006. № 1. С. 30–42.
- Barad K.* Meeting the Universe Halfway: Quantum Physics and the Entanglement of Matter and Meaning. Durham: Duke University Press, 2007.
- Buchli V.* An Archaeology of Socialism: The Narkomfin Communal House, Moscow. Oxford: Berg Publishers, 1999.
- Buchli V.* Astana: Materiality and the City // С. Alexander (ed.). Urban Life in Post-Soviet Asia. L.: USL Press, 2007. P. 121–179.
- Gell A.* Art and Agency: An Anthropological Theory. Oxford: Clarendon, 1998.
- Ingold T.* Lines: A Brief History. L.: Routledge, 2007.
- Material Culture and Technology in Everyday Life: Ethnographic Approaches / Ed. P. Vannini. N.Y.: Peter Lang Publishing Group, 2009.

Мария Константинова

Дашковский П.К., Карымова С.М. *Вещь в традиционной культуре народов Центральной Азии: философско-культурологическое исследование: Монография.* Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2012. 252 с.¹

Елена Вадимовна Нам
Томский государственный
университет
n.elvad@yandex.ru

Рецензируемая книга написана в рамках междисциплинарного подхода и представляет собой научный дискурс на стыке философии, культурологии, этнологии, археологии и истории. Подобные многокомпонентные с точки зрения подхода к проблематике исследования, как правило, претендуют не только на введение в научный оборот новых

¹ Рецензия выполнена при финансовой поддержке гранта Правительства РФ П 220 №14 В25.31.0009.